

Что за месседж послал мусульманам президент РФ в Казани, найдут ли попечителей Болгарской академии и какой будет стратегия развития ислама

«Некоторые деятели свои неуемные амбиции списывают на то, что якобы власти страны разделяют мусульман. Это не так», — говорит председатель недавно созданного духовного собрания мусульман России Альбир Крганов. На следующий день после аудиенции у Владимира Путина Альбир хазрат в редакции «БИЗНЕС Online» рассказал о степени информированности российского лидера о проблемах уммы, будущей поездке в Сирию, невозможности религиозных партий и выборе мусульман 18 марта.

«СЕГОДНЯ ВСЕ ГОВОРИМ ОБ УНИВЕРСИТЕТАХ, ЗАБЫВАЯ О НАШИХ МЕДРЕСЕ»

— Альбир хазрат, о чем мусульманские лидеры страны говорили с Владимиром Путиным в Казани? Наверняка каждый муфтий пришел со своими просьбами и предложениями?

— На встрече муфтиев с президентом РФ, ставшей уже традиционным мероприятием, обсуждались прежде всего вопросы исламского образования. Глава координационного совета муфтиев Северного Кавказа Исмаил хазрат Бердиев сказал, что согласен с концепцией Болгарской академии и попросил о возможности включения его организации в состав учредителей БИА. Он заявил, что университетов у нас может быть много, они нужны, а академия у нас будет и должна быть одна.

— Путин поддержал эту идею?

— Президент одобрительно отнесся к его предложению, решение будет принято советом учредителей. В Болгарской академии уже учатся 9 человек из Дагестана.

— Какие вопросы поднимали другие участники встречи?

— Муфтий СМР Равиль хазрат Гайнутдин, повторяя тезис выступления ректора академии Рафика Мухаметшина, предложил создать попечительский совет академии, сказав: «И вы, Владимир Владимирович, эту идею поддержите». Муфтий ДУМ РТ Камиль хазрат Самигуллин рассказал о роли и авторитете наших богословов, привел пример: Шигабутдин Марджани в Мекке способствовал тому, что представители разных мазхабов оставили один михраб и стали вместе молиться. После его слов президент заметил, что, возможно, следуя данному примеру, и мы все (мусульманские религиозные деятели России) также объединимся. Эта реакция Путина очень важна, поскольку некоторые деятели свои неуемные амбиции списывают на то, что якобы власти страны разделяют мусульман. Это не так, президент и в своем выступлении в Уфе отметил — хватит делить верховенство, надо консолидировать усилия в деле укрепления основ традиционного ислама в стране. Не секрет, что весь вопрос — в целях и задачах самих религиозных организаций, которые они перед собой ставят.

На этой встрече Владимир Владимирович начал свое выступление со слов о том, что традиционный ислам является важнейшей частью российского культурного кода, а мусульманская умма, без всякого сомнения, — важная часть российского многонационального народа. Он сказал о необходимости возрождения традиционной российской богословской школы и роли в этом Болгарской академии.

— А о чем говорили на встрече с Путиным лично вы?

— В рамках предоставленного мне слова поддержал высказанное президентом РФ положение о роли исламского образования, сложившуюся систему которой Путин назвал триадой: медресе, вузы и академия. В этой связи я обратил внимание коллег на то, что,

безусловно, работа наших вузов, нашей академии важна, но нам нужно иметь в виду и первый уровень образования, без которого трудно представить работу и университетов, и академии.

У нас в совет по исламскому образованию России под руководством Рафика Мухаметшина входят не только высшие учебные заведения, но и 36 медресе, которые не относятся к вузам. Надо бы поддержать и их, а то сегодня все говорим об университетах, забывая о наших медресе. Действительность такова, что нашим приходам нужны имамы. В мечетях сел, городов имамы должны проводить работу по просвещению, по возрождению основ традиционного ислама и по профилактике чуждых идей и экстремистских взглядов. Мы помним, что раньше у нас не было университетов в городах. Первое медресе было открыто в Уфе, потом в Чистополе, в Казани. Я сам в медресе имени 1000-летия принятия ислама учился. Помню наш курс — были набожные, идейные, искренние шакирды. Была волна возрождения религиозных, национальных чувств. Эти мои сокурсники практически все трудоустроились, они работают имамами. А сегодня выпускники не находят себя в практической работе по разным причинам.

Поэтому нужно обращать внимание на эти медресе и их поддержать обязательно. Кто-то говорит, что эти медресе нужно сокращать. Я с этим не согласен — кстати, и президент РФ не поддержал эту идею. Также я сказал о том, что есть другой аспект проблемы: у нас педагоги, работники медицины поддерживаются государством, есть разные социальные пакеты поддержки, а вот представьте: имам уезжает в село, на что ему жить? Хотя религиозные деятели — не государственные служащие, так называемые бюджетники, но они на передовой, на земле, и необходимо изыскать вариант их поддержки. Я поддержал выступление коллег и Равиля хазрата, в частности, в том, что оказываемого нам содействия фондом поддержки исламской науки, культуры и образования пока недостаточно. Надо бы и сумму гранта увеличить.

— А где сама встреча проходила?

— Архиерейская дача...

— Равиль хазрат говорил, что собирается поднимать вопрос о том, что в Калининграде, Екатеринбурге построили мечеть, а потом власти вынесли решение, что земля выделена неправомерно и надо разобрать мечеть. В Сочи проблемы с выделением земли мусульманам...

— Этого вопроса хазрата я не слышал.

— Наверное, беседа пошла не в том направлении.

— Там можно было про разные аспекты поговорить, но мы определили для себя тему — образование, это самая важная тема.

— Обсуждалась ли на встрече международная проблематика?

— В ходе встречи мы касались международных проблем исламского сотрудничества. Президент РФ отметил, что решение о вхождении России членом — наблюдателем в Организацию исламского сотрудничества стало очень важным шагом в новейшей истории страны и развития общественной исламской дипломатии. У нас накопился в этом отношении позитивный опыт работы с Сирией. Мы реализуем интересный и уникальный проект, когда представители традиционных российских конфессий собирают благотворительную помощь в храмах и мечетях для оказания гуманитарной помощи сирийскому народу. В реализации этого проекта принимают участие Русская Православная Церковь, Духовное собрание мусульман России, ЦДУМ РФ, Дагестанский муфтият. Поскольку ДУМ РТ является членом межрелигиозного совета России, и мы вместе с муфтием Камилем Самигуллиным неоднократно были в Сирии, я предложил и им принять участие в данном проекте. Думаю, что решение будет положительным.

Понимание и поддержка верующих есть, более 100 тонн груза в Сирию уже отправлено. На днях отправляется очередная партия гуманитарной помощи. С 2 по 7 февраля большая делегация российских религиозных деятелей будет находиться в Сирии, мы туда вылетаем.

Я проинформировал президента РФ о том, как мы реализуем еще один очень интересный проект. Валерий Гергиев, помните, после известных событий провел концерт в Сирии, мы же пригласили из Сирии творческую группу артистов, они приехали в Москву на праздник духовных песнопений. Более тысячи человек наслаждались,

слушая наших гостей. Все собранные деньги с этого концерта так же переданы в Сирию. Эти народные проекты будут долговременными, они отражают стремление верующих, граждан нашей многонациональной страны, откликаться на чужую беду.

— Это такая народная дипломатия...

— Да, это разновидность народной дипломатии и не только, это и внутренняя потребность оказывать посильную помощь людям, попавшим в беду, это и проявление нашей исламской и гражданской солидарности.

Возвращаясь к заявленному на встрече, крымский наш коллега Эмирали Аблаев тоже поблагодарил президента РФ за ту поддержку, которая оказывается населению и мусульманским организациям республики. Сейчас 350 приходов в составе муфтията Крыма, возвращаются культовые издания, ремонт зданий идет и строительство мечетей, в том числе, и в Симферополе. Аблаев пригласил Владимира Владимировича и всех участников встречи в 2019 году принять участие в открытии соборной мечети в Симферополе. На нашей встрече с докладом выступил и Рафик Мухаметшин, он очень доходчиво и подробно докладывал о системе деятельности Болгарской академии и планах дальнейшей работы.

«БОЛГАРСКАЯ АКАДЕМИЯ ЯВЛЯЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО ТАТАРСТАНСКОЙ, ОНА РОССИЙСКАЯ»

— Он был главным докладчиком?

— Да, как глава Совета по исламскому образованию и ректор академии Рафик Мухаметшин был главным докладчиком.

— Президент БИА Камиль Исхаков тоже был на этой встрече.

— Да, Камиль Шамильевич был, он как президент Болгарской исламской академии презентовал Путину проекты зданий комплекса Академии.

— Новых?

— Да, новых, что и где будет находиться.

— То есть у академии будут новые здания?

— Нет, я имею в виду Белую мечеть, университет, гостиницу, которая по проекту должна быть, он говорил об этой части. А потом Рафик Мухаметшович рассказывал о деятельности, о том, как сегодня выстроена система образования, что еще предполагается. В том числе он сказал и о желании создать Совет ученых в Болгаре, чтобы при участии представителей российских муфтиятов на этой площадке выносили общие решения по тем или иным актуальным вопросам, которые волнуют мусульман. Также он говорил о необходимости создании библиотек и еще о ряде проектов.

Ректор отметил, что за нашим примером (академией) последовали и наши братья в Узбекистане. В Узбекистане принято решение буквально на той неделе — зарегистрирована исламская академия, она будет находиться в Ташкенте рядом с муфтиятом, и представители Узбекистана (имам, сотрудник Управления по делам религии Республики Узбекистан) также приехали учиться в докторантуру. Это важный обмен, в свое время наши хазраты учились в Средней Азии. Я думаю, это правильно, чтобы на пространстве СНГ ведущие вузы между собой сотрудничали и помогали в этой деятельности.

— Акценты по академии какие еще были? Насколько глубоко Путин интересовался ее делами? Что-то сказал вообще о перспективах?

— Во-первых, хочу отметить, что президент РФ говорил очень содержательно по существу, как говорится, без бумаги, о важных темах, беспокоящих мусульман. Акцент основной был сделан на то, что нужно возрождать российскую богословскую школу, и в

нашем понимании создание академии — это как раз важный шаг в этом направлении. И Камиль хазрат Самигуллин, говоря о татарском богословском наследии, отметил, что у нас настолько много уже изданных источников и столько работ дореволюционных исламских ученых, требующих издания, что мы даже не обращаясь к иностранной литературе, можем эту тему охватить. Надо опираться на российскую исламскую богословскую традицию и изучать иной позитивный опыт.

— Даже Камиль Самигуллин об этом заговорил при президенте РФ?

— Да, он сказал об этом. Камиль хазрат высокий и знающий свое дело профессионал, обладает обширными знаниями и очень ответственный, болеющий за дело хазрат, пользуется большим уважением. Еще Рафик Мухаметшин говорил о том, что мы будем работать с ведущими исламскими вузами, чтобы максимально их опыт использовать в этой деятельности.

— Что с бюджетом БИА? Сейчас даже непонятно до конца кто финансирует Академию. Этот вопрос не обсуждался?

— Это обсуждалось. Рафик Мухаметшевич сказал о том, что можно создать попечительский совет и потом другие муфтии об этом говорили, я думаю, что в таком ключе можно ожидать решения этого вопроса.

— А фактически от генералов бизнеса можно ожидать помощи?

— Может быть, потому что президент РФ ранее не раз повторял о социальной ответственности бизнеса.

— Он говорил об этом на прошедшей встрече?

— Нет, но Путин об этом говорил неоднократно раньше. Это его позиция – бизнес

должен быть социально ориентированным и ответственным. Есть и мусульмане — бизнесмены, которые реально смогли бы оказать поддержку при правильно организованном диалоге с ними.

— А государство должно финансировать такие вещи, например, Татарстан или федеральный центр?

— Есть же учебные заведения не только у мусульман, но и у православных. Необходимы общие подходы к этой проблеме и эту модель можно применить на нашу академию. Болгарская академия является не только татарстанской, она российская, единственная исламская академия, и в связи с этим, конечно, логично, что в какой-то мере поддержка будет оказана. Вчера также обсуждали тему — как продолжить сотрудничество с вузами-партнерами, которые помогают нашим религиозным учебным заведениям. Получается иногда, что приходят средства на углубленное изучение ислама, а в итоге большая часть их оседает именно в светских вузах.

— Откуда средства приходят?

— Есть программа углубленного изучения ислама, федеральный проект, оттуда тоже оказывается поддержка.

— Там 300 миллионов рублей в год выделяется, речь идет об этой поддержке?

— Религиозные организация напрямую не имеют право получать эти средства от государства, поэтому государственные вузы, наши партнеры, помогают нам наладить учебно-методическую работу, но, повторю, иногда получается, что не целиком средства доходят до нас. Вуз — партнер, как светский вуз, заинтересован больше в своем развитии.

— То есть они реализуют свои образовательные программы, финансируются дополнительно за счет исламских вузов?

— Да. У нас в целом неплохие рабочие взаимоотношения, но ведь нам важно, чтобы деньги доходили до мусульманских вузов. Наши коллеги затронули этот момент на встрече с президентом РФ, надеемся, что ситуация изменится в лучшую сторону, и денежная сторона не будет омрачать наше сотрудничество со светскими вузами-партнерами.

— Может быть, надо схему поменять?

— Да. Но было отмечено, что осуществляется очень важная работа наших религиозных вузов со светскими учебными заведениями, ее надо продолжать, потому что это представляет несомненную обоюдную пользу. Но сам формат финансирования надо изменить.

«КЛЮЧЕВАЯ ТЕМА НАШЕЙ ВСТРЕЧИ И ОБЩЕНИЯ — ЭТО НЕЗЫБЛЕМОСТЬ ИСЛАМСКОЙ ТРАДИЦИИ, КОТОРАЯ В РОССИИ БЫЛА И ЕСТЬ»

— У президента РФ есть видение проблем дальнейшего развития ислама? Или он больше интересуется православной темой?

— Надо помнить, что президент РФ является главой многонационального государства с наличием традиционных конфессий. Он принимает участие в православных мероприятиях, уделяет время и внимание другим традиционным конфессиям. Он так же посещает и иудейские общины, буддистские, был у Хамбо ламы Дамбы Аюшеева. Нашего президента можно увидеть и в мечети, недавно вот он посетил первую Уфимскую соборную мечеть. После этого был в исторической резиденции Центрального духовного управления мусульман России, была встреча с муфтием Талгатом хазратом Таджуддином, в которой принимали участие полпред в ПФО Бабич и глава Республики Башкортостан Хамитов. Я считаю, что это правильно, потому что ЦДУМ России является старейшей организацией, которой уже 230 лет. Это первая мусульманская организация, признанная государством в царской России. Такие визиты руководства России в резиденцию ЦДУМ РФ стали традиционными. Это показатель того, как надо с уважением бережно относиться к исторической духовной исламской преемственности и развивать ее в современных условиях. Пользуясь случаем, хочу отметить и несомненные заслуги муфтия Талгата хазрата перед российской уммой. Хочу сказать, что президент

Путин уделяет неослабное внимание религиозной политике и мне, как мусульманину, муфтию и гражданину это очень импонирует, мы будем его поддерживать.

Особо хочу отметить, что ключевая тема нашей встречи и общения — это незыблемость исламской традиции, которая в России была и есть, развивается в разных направлениях. И что еще важно, что президент РФ имеет системное видение развития ислама и реализации социальной миссии ислама в современных условиях. Об этом он говорил в 2013 году на встрече с религиозными исламскими деятелями в Уфе. На мой взгляд, такого выступления главы государства российского не было ранее ни при царе, ни при советской власти, ни в современной России.

— Некая программная речь тогда прозвучала?

— Да, на наш взгляд, это программная речь, ее даже можно воспринимать, как некое начало стратегии развития ислама в целом в России в современных условиях, это политические ориентиры того, что нужно делать, в каком направлении двигаться. Ведь меняется политика США и Запада к нашей стране, реализуется политика санкций и подавления России. В этих условиях мы, мусульмане, вместе со всей страной и ее лидером ищем стратегию развития. Эффективная реализация канонической и социальной миссии ислама будет укреплять нашу умму, способствовать сплоченности общества и устойчивому развитию России. В единстве целей, задач и деятельности наша сила.

— Та встреча проходила в таком же формате, что и вчера?

— Да, это был 225-летний юбилей ОМДС-ЦДУМ в 2013-м, когда Путин приехал с визитом в Башкортостан на этот праздник мусульман России.

— Следующей подобной встречи пришлось ждать почти пять лет?

— Да, но это не говорит о том, что мы 5 лет с президентом РФ не встречались. Были рабочие встречи, на разных общих государственных мероприятиях мы также общаемся.

Но сам формат специальных встреч с главой государства предполагает более подготовленное обсуждение вопросов и состав участников. На этот раз были централизованные религиозные организаций — это ЦДУМ РФ, Совет муфтиев России — ДУМ РФ, КЦМСК и Духовное собрание мусульман России, татарстанский муфтият, муфтият Крыма. Ну и были президент и ректор БИА. Вот в таком составе мы обсуждали наши проблемы, тему исламского образования и каждый выступил со своим сообщением.

— Значит, сейчас главная тема все-таки образование?

— Да, образование и просвещение.

— Какой месседж прозвучал в этот раз для мусульман, главный месседж?

— Я думаю, что месседж такой: государство уделяет свое внимание и поддержку традиционным конфессиям, в этом отношении ислам — это неотъемлемая часть истории России, гражданского общества и это 20 миллионов мусульман. У нас есть свои проблемы, и мы одновременно живем общими проблемами и имеем общее будущее, мы — граждане Великой России. Президент РФ это понимает и с уважением относится к нам — верующим и гражданам своей страны. И, второе, президент России поддерживает нас — религиозных деятелей, представителей мусульманского сообщества в нашей деятельности и в желании возродить исламскую традицию, нашу богословскую школу, а также поддерживает в деле духовного просвещения.

Глава государства поддерживает наши усилия в организации противодействия идеологии экстремизма и терроризма, в привитии иммунитета у молодежи к этой заразе. Для этого необходимы образование и широкое просвещение, опора на основы нашего вероучения, на исламские ценности, использование суфийской традиции. И еще раз хочу обратить внимание на необходимость возрождения российской богословской школы, не все труды известных богословов еще до конца достаточно изучены...

«ВСЕ ЭТО СОДЕРЖИТСЯ В НАСЛЕДИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИСЛАМСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ БОГОСЛОВСКОЙ ШКОЛЫ»

— До конца — это мягко сказано.

— Да, нам нужно еще обсуждать эту тему. И нужно дальше развиваться, не откладывая решения проблем. Надо всегда помнить, что наша молодежь сегодня очень требовательная, но в значительной мере оторвана от исторических корней и традиции. При этом информационное поле совершенно открыто. Наше присутствие там необходимо, мы там должны быть и предлагать правильные идеи, учить отличать добро от зла, формировать у молодежи и верующих правильные представления о незыблемых основах и ценностях нашей веры, нашей исламской традиции. Все это содержится в наследии представителей исламской дореволюционной богословской школы.

— Вся их реформа была в желании повернуться к настоящему исламу пророка.

— В моем понимании они искали ответы на вопросы тех дней и затрагивали вечные проблемы. Вот мы сегодня с президентом России обсуждаем разные темы, разные проблемы, которые стоят перед нашими современниками — это экстремизм, это вербовка молодежи в ряды экстремистов, потребительский характер жизни, вседозволенность. Но ведь тогда тоже были свои проблемы, сто лет назад. Они тоже беспокоились и чувствовали свою ответственность. Ведь ислам незыблем в своих основах и всегда современен, это надо понимать.

— Модернизация страны происходила...

— Да, они тоже искали ответы на поставленные жизнью вопросы и понимали, что царская система власти себя изживает, они понимали тенденции, которые развивались в обществе. Почему сразу 38 депутатов в Госдуме в то время мусульманскую фракцию создали? Они тогда тоже по-своему, мне кажется, в наших священных книгах, в хадисах пророка Мухаммеда (мир ему), в истории Ислама, Иджмы и Кыяса, искали ответы на те вызовы, которые были на то время, пытались что-то сделать.

Жизнь меняется, но вечные проблемы веры, добра и зла, правды и справедливости остаются. И сегодня где-то закрыться и обсуждать эти темы только с муфтиями, с реформаторами, с согласными и несогласными уже невозможно — это первое. По этим вопросам должна быть самая широкая открытая дискуссия и диалог. Второе — нужна

надежная альтернатива тому, что несогласные часто уходят в экстремизм, ваххабизм и противопоставляют себя верующим, обществу и государству. Для этого этим людям надо объяснит истинные цели и смыслы развития, воспитывать и укреплять их в вере и наших ценностях, убеждать и просвещать. Думаю, что в данном направлении мнение ученых Академии очень важно. Нужно, чтобы мы сохранили слаженную работу и стержень духовного образования.

И еще. Некоторые думают, а давайте готовить светских специалистов. Но религиозный вуз не может готовить светских специалистов лучше, чем, скажем, МГУ или другие наши ведущие вузы. А нам нужно сегодня готовить в Болгарской академии действительно глубоких знатоков ислама, именно по Корану, Сунне, фикху и других направлениях, по классическим религиозным направлениям, которые станут яркими, подготовленными специалистами. И эти ученые люди будут потом востребованы в тех же светских вузах. Также нужно обращать внимание на психологию и ее использование в учебном процессе. Сегодня нам надо готовить не только богословов, но и богословов — психологов, которые способны работать с обособленной категорией лиц, со знанием, например, психологических особенностей темы вербовки в ряды террористов. Есть такое понятие, как «золотые гайки», когда человека из общего социума вытаскивают, обособляют, а потом меняют его мировоззрение и поведение. Это известные механизмы вербовки, они, как оказалось, не меняются. Их одинаково применяют: что в религиозных, что в идеологических, что в расовых, что в классовых направлениях. Еще один обязательный момент — это информационная работа, работа в интернет-пространстве. Не секрет, что идет беспрецедентная атака на умы наших граждан, мы видим это и ощущаем. И что здесь делать? Здесь нужно вести просветительскую работу. Нам нужны специалисты в этом направлении, специалисты, которые бы нам помогали.

«МЫ В ПОЛИТИКУ НЕ ЛЕЗЕМ, И ЭТО НЕ НАШЕ ДЕЛО»

— Выборы президента России 18 марта 2018 года — эта тема поднималась?

— Нет.

— В воздухе все равно висит вопрос: как мусульмане, если об этом вообще можно сказать, должны себя вести 18 марта 2018 года? У вас есть ответ, в том числе в контексте этой встречи в целом?

— Встреча президента с религиозными деятелями носила рабочий характер.

— Это же тоже сигнал?

— Сигнал — да, конечно, но эта встреча не носила предвыборный характер, она была запланирована давно. Вы помните, страна узнала Владимира Владимировича 18 лет тому назад. И я тоже познакомился с ним лично в самый начальный период его деятельности по разрешению чеченского кризиса. На протяжении многих лет вижу, чувствую его последовательную политику по борьбе с терроризмом и налаживанию нашей жизни, стараюсь оказывать посильное содействие и поддержку.

Хорошо помню, как 18 лет назад Путин сказал в Чечне, что в противодействии терроризму надо сплотится всему гражданскому обществу. И это важный тезис. Я сегодня знаю, что некоторые государства, на пространстве СНГ в том числе, считают, что гражданскому обществу, религиозным организациям не место заниматься темой профилактики экстремизма и терроризма, что есть правоохранительные органы, они разберутся. Но это не так. А еще тогда Владимир Владимирович сказал, что нужно сплачивать гражданское общество, чтобы сообща, мы, как представители гражданского общества и власть, объединились против врагов Отечества. И знаете, ведь реально народы России сплотились в борьбе против зла международного терроризма. Как член Общественной палаты России хочу сказать, что мы реализуем это направление работы, создали Координационный совет по противодействию терроризму и рабочую группу по противодействию псевдорелигиозному экстремизму в Общественной палате России. И за эти несколько уже накоплен немалый опыт. Мы обобщили очень многие интересные проекты регионов, как они эту работу ведут, собрали специалистов, экспертов и координируем эти очень важные направления нашей работы. Хочу еще раз констатировать, что встречи президента России с руководителями религиозных организаций носят регулярный и деловой характер, мы хорошо понимаем друг друга, нам никакие специальные предвыборные встречи просто не нужны.

При Путине Россия стала партнером ОИС, выстроена очень хорошая система взаимоотношений с исламским миром. Мы сегодня сами же по долгу служения часто бываем за границей и странах Ближнего Востока. Мы помним, как там относились к нам раньше. Тогда представляли, что имамы опять приехали что- то выпросить.

— В 90-е годы?

— Да. Нам тогда говорили: ну кто вы такие, Россия? Вас мы плохо знаем. В последние годы в арабском мире кардинально изменилось отношение к России. Недавно в Россию состоялся первый государственный визит короля Саудовской Аравии. Часто приезжают другие главы исламского мира, обсуждают различные вопросы. За строгими рамками протокола, как мне кажется, проглядывает доверие лидеров исламских стран, они доверяют лично Путину. Я знаю даже по Кадыров- старшему. Если бы Ахмат хазрат не доверился Владимиру Владимировичу просто как человеку и государственному деятелю, он бы тогда этот свой шаг не сделал. Если бы был тогда другой человек, не Путин, во главе государства, возможно, была бы совсем другая Россия...

— То есть был личный контакт Путина с Ахматом Кадыровым?

— Безусловно. Вы знаете, как на Кавказе ценятся слова мужчины. Это личный контакт и личное ощущение того, что человек тебя понимает, что ему можно довериться. Обратите внимание, это отражается и во внешней политике, Россия всегда ведет честные открытые переговоры, основанные на доверии и уважении к статусу партнера, следовании нормам международного права. И они понимают, что если с Россией один раз договориться на таких принципах, то это надолго.

Но и взаимоотношения внутри страны очень важны. Та же известная статья В. Путина 2012 года по национальным вопросам, определившая приоритеты национальной политики. В России приняли Стратегию государственной национальной политики. Это же важный шаг в укреплении межнационального согласия. Сегодня же ни для кого уже не секрет, что нас пытаются разделить по национальному и религиозному признаку, посеять рознь и конфликты. Здесь позиция главы государства определяющая, он понимает проблему и свою ответственность, постоянно подчеркивает, что Россия — многонациональная и многоконфессиональная. Это выверенный государственный подход, он нам понятен, мы его разделяем и поддерживаем такую политику главы государства.

— То есть на ближайших выборах у мусульманина нет выбора за кого голосовать?

— Мы давно уже говорим, что мы религиозная организация, аполитичная. То есть мы в политику не лезем, и это не наше дело.

— Что противоречить духу ислама, да? Который говорит: «Человек тотален, у тебя нет ни быта, ни светской жизни, ни духовной. Человек един каждую секунду перед Всевышним».

— Мы не разделяем жизнь свою на светскую, духовную. Знаете, что очень важно и в России, и вообще в любом светском государстве? Я — есть гражданин государства. С одной стороны, я верующий человек, у меня есть священная книга и себя отождествляю с ней. А, с другой стороны, я гражданин государства, есть конституция, есть законы. И, главное, чтобы не было и не появлялось противоречий между вот этими двумя «Я».

Некоторые пытаются раздвоить личность. Это та же тема вербовки, раскола, всего нашего мира. И граждане должны это понимать. Мы понимаем, что сегодня нельзя в России создавать партии по национальному религиозному признаку, но у нас всегда есть право выбора и мы его сделаем.

«ГДЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ ДЕПУТАТЫ И ИХ ОЗАБОЧЕННОСТЬ ИСЛАМСКИМИ ЦЕННОСТЯМИ?»

— Хотя в Российской империи была мусульманская фракция в Государственной думе и нормально решала вопросы.

— Была, но назовите какие-то полезные мусульманам вопросы, которые она помогла тогда решить? Тоже вопросов много. Да, эти депутаты были, они были близки к царю, к двору, решали больше свои личные вопросы.

— Ну, как и сейчас решают свои личные.

— Я, например, против создания подобных партий. Это мое личное мнение. Ну, вот смотрите, кто- то создает исламскую партию «Возрождение» или там чего-то еще. И получается как: если те мусульмане — татары, или кавказцы, любой, если он не поддерживает этого человека как лидера партии, а не как мусульманина, то что, он не мусульманин тогда уже? Как можно вообще здесь флаг ислама использовать в своих политических и других амбициях? Ислам как система, как общая система безотносительна к одному человеку, к какой-то маленькой группе, у нее есть доктринальное отношение к политике. Если это государство, основанное на принципах Корана, сунны Пророка — это совсем другое. Но когда мы живем в светском государстве и играем этими терминами и иногда люди, которые одевают на себя эти одежды, сами реально не живущие по исламу, — это какая исламская партия, это какая исламская организация? Вот в этом вопросе мы очень настороженно к этому относимся. А в целом, конечно как граждане, мы должны принимать активное участие в развитии нашей страны.

— Своя позиция должна быть.

— Как говорит церковь: «Возвышать свой голос, когда мы видим вакханалию, нужно, но на правильной площадке». Не митингами надо проблемы решать — это время прошло.

Давайте расскажу вам такую тему по правозащите. Ко мне приходят в Москве разные юристы, адвокаты. Мы их спрашиваем: «Вы из каких суждений исходите, каковы ваши мотивы? Что вы хотите?» «Вот, мы хотим мусульман защищать», — говорят. В итоге оказывается, не все, большинство — хотят защищать именно этим именем ислама богатого бизнесмена, получить с него денег. И вот какой он мусульманский деятель? А за счет религиозной организации хочет себе сделать имя. И еще они любят какую-нибудь горячую тему, подсветиться, там можно и без денег, но, главное, он потом на бизнесмене уже заработает.

— Это законы жанра в адвокатских практиках...

— А вот давайте посмотрим, скажем, на иудейскую общину. Там есть правозащитники. Во-первых, они учат своих иноверцев правовой культуре. Если где-то инцидент произошел, они правильно оформляют документы в МВД: получают документ, что это дело зафиксировано, там приняты документы соответствующие. В конце года они все это собирают в единую книгу и эти документы они не в публичное пространство, не

пресс-конференцию проводят, а отдают куда надо — в Верховный Суд России, Генеральную прокуратуру, МВД и еще в другие разные правоохранительные органы, в Государственную Думу, в Совет Федерации. Но здесь в отличие от наших юристов — дилетантов, уже зафиксированные дела, и они годами так делают. Можно рассмотреть общую тенденцию проблематики, как вопрос решается, в каком регионе есть проблемы. И здесь уже можно реагировать на уровне законодательства. А вот это пустые выступления — это обман. Вот здесь мы против псевдоправозащитника, который использует имя, а реально занимается другим.

Мы сейчас говорили с вами про тех же наших депутатов, которые были тогда. Но ведь и сегодня наши депутаты как-то организованы. Смотрите, в той же Государственной Думе уже который год работает межфракционная комиссия по сохранению христианских ценностей, а где мусульманские депутаты и их озабоченность исламскими ценностями? Вот, на выборах они к нам приходят и говорят, что вот какие они молодцы, что мусульман любят. А где тогда их слаженная работа? Они тоже смогли бы, в ключе того, что наш президент говорит о возрождении традиционной богословской школы, об укреплении межнационального, межрелигиозного диалога, объединиться в рабочую группу и оказывать помощь. То есть, можно найти правильный формат объединения, поддержи и помощи. Где эта поддержка? Вот наши муфтии заявляют, что не могут вопрос возврата зданий старинных мечетей решить. Недавно в Москве об этом я говорил, у нас старинная мечеть в Ростове, ей 100 с лишним лет, ее чуть не продали. До сих пор судьба божьего храма на волоске. В Ульяновске мечети 100 с лишним лет, обещаниям сколько лет уже, на уровне властей решения так и нет. Вот простор работы для депутатов.

— Второй мечети, да?

— Акчурины еще построили мечеть, старинная, 110 лет мечети. Там есть организация, которая ее получила, просят деньги. Но опять же, мы же просим у государства, есть документы о возвращении, подписанные когда еще. Основываясь на какой букве закона, как вообще государственные чиновники тогда имели право религиозный объект продавать частному бизнесу? Сначала 30 попросили миллионов, потом 70 миллионов, и то были готовы в Ульяновске, потом отказались. В Волгограде у нас мечеть находится на территории минобороны, здание не возвращается. В Ставрополе прекрасная мечеть, там тоже она дана под здание центра искусств, там картины, а мусульмане молятся на улице. Почему дорогие депутаты или сенаторы этими вопросами не занимаются? Вот такая игра в политический ислам, она нам совершенно не по духу, мы ее не воспринимаем. Или вот недавно один из известных (не буду называть фамилии) бизнес-генералов, как вы сказали, олигархов, завещал свое имущество религиозной организации, не мусульманской.

— А он сам мусульманин?

— Нет, он не мусульманин. Семье оставляет он 100 миллионов, остальное все завещал своей религии. Где наши такие современные мусульманские меценаты для строительства социальных объектов?

— Не вырастили...

— Здесь идет, конечно, вопрос о ценностных ориентирах в жизни. В правильном понимании часть буржуазии тогда была национально ориентирована, и они же были и патриотами, они же и государство свое защищали и помогали. А не так, чтобы с миллиардами уезжали заграницу. Много разговоров про разных олигархов, про одного из них спрашивал: а какую помощь он оказал своему родному региону от своих миллиардов? Сказали, что в родном селе отремонтировал ветлечебницу... Но если мы говорим о том, что он патриот, любит свою Отчизну, то надо ждать большего. Если у человека миллиарды, он на эти миллиарды покупает предприятия за границей, живет там, строит, платит налоги чужому государству, а здесь ничего не сделал, то какой это патриот и гражданин. Ну, больницу как Морозов построй, еще что-то. Необязательно же только мечети и церкви строить, можно же и другие богоугодные дела сделать... Мы не очень понимаем таких людей.

«ПАПА РИМСКИЙ, КСТАТИ, ТОЖЕ ИНОГДА ПРОГОВАРИВАЕТСЯ...»

— Может, проблема мусульман в том числе и в том, что нет единой вертикали? Каждый представляет свою организацию мусульманскую, а в этом смысле православие консолидировано, по большому счету, иудеи тоже. Должна быть вертикаль, концентрация, силы, энергии, идей, и тогда можно быстрее, лучше работать, как вы считаете?

— Согласен. Но для справедливости ради отметим, что в других конфессиях тоже есть свои вопросы. У мусульман так сложилось исторически, что было создано Оренбургское Магометанского закона духовное собрание и Таврический муфтият. Я привожу этот

факт сейчас не в оправдание того, что у нас несколько организаций. Это не стало бы проблемой, вопреки уставов, печати и названия организаций, если бы у нас всех было единомыслие по тем главным вопросам, которые нас волнуют. Ради Бога же, никто никому не мешает, мы и на примере нашей встречи с президентом вместе обсуждаем наши вопросы. Просто не надо, образно говоря, на себя тянуть одеяло, а нужно реально думать о деле. Вот у кого-то получается работа по просветительству, книги, университет, академия, — давайте Татарстану поможем в этом. Если, например, получается у Уфимского муфтията работа по выстраиванию отношений с традиционными религиями, — давайте, вы нам помогайте в этом. Получается у Москвы работа по проведению разных богословских духовно-просветительских мероприятий — пожалуйста, давайте обсудим и будем помогать.

Позиция Духовного собрания мусульман России такая – давайте заново учиться работать по принципу Шуры, советоваться и сотрудничать как равноправные партнеры на основе общего понимания наших целей и задач. И все должны понимать, что мы должны консолидировать наши усилия и уметь сотрудничать с властями.

— То есть вертикаль не нужна все-таки в исламе? Единое духовное управление мусульман России?

— В идеале все прекрасно смотрится. Выше я уже ответил, не надо увлекаться командно-административными методами. Нам более нужна координация, сила авторитета, совещательность и последовательность в исполнении принятых решений. Это мы пытаемся реализовать в деятельности Духовного собрания мусульман России.

— Так все-таки вертикаль хороша?

— В управлении всегда нужна определенная централизация, но вертикаль в духовно-нравственной сфере имеет особенности, специфику, свои формы реализации. Да, консолидация нужна, но она, наверное, будет не сегодня, но к этому идти уверенно надо. Надо вести всяческую работу в этом направлении.

— Это не противоречит духу ислама, где нет патриарха, Папы Римского?

— Ведь дух ислама говорит о чем? Что мы должны советоваться. Ислам очень уважительно относится к мнению людей вообще в целом, кто бы это ни был. Не может быть такого, что мы ему запрещаем мыслить, думать, а за него кто-то принимает решение. Каждый может думать. То есть, не может быть в исламе некой такой монополии. Кто дал право мне или кому-либо стать монополистом, и говорить, что только я говорю от имени Всевышнего, Корана, от имени мусульман? Где твоя уверенность, что все мусульмане тебя поддержат. Мы это должны понимать четко для себя. Да, у нас есть свои и согласно закону те организации, которые входят в твою структуру, да, для них ты являешься руководителем. Но порядок должен быть, в исламе также нет и анархии.

— Но не таким, что ты слово сказал, и все приняли его, как слово Папы Римского безгрешного?

— Папа Римский, кстати, тоже иногда проговаривается...

— Нет, у них же есть тезис, что все, что он говорит, безгрешно.

— Да. А у нас нет такого, и у нас каждый день ты своим трудом и потом должен доказывать, что ты полезен умме, не обуян гордыней, тщеславием, не стремишься к жесткому администрированию. Это правильно. Ты должен быть полезен, и ты должен вести эту свою полезную работу, а по-другому быть не может.

«Я ЛИЧНО ПОДПИСЫВАЛ ФЕТВУ В ГРОЗНОМ»

— Как долго уже существует Духовное собрание мусульман России?

— Пока только год прошел, в ноябре будет два.

— О каких предварительных результатах работы вашей организации можно говорить?

— В целом этот год, я бы сказал, стал мягким вхождением в поле общих проблем, хотя мы там давно работаем, но в такой организационной форме недавно. Сегодня более чем с десятком регионов страны выстроены взаимоотношения, идет слаженная работа, мы не нацелены на слепое повышение численности приходов, но тем регионам, которые приняли твердое решение сотрудничества с ДСМР, мы всегда открыты.

Сегодня есть разные направления, которые мы перед собой ставим. Одно из важных направлений — это то, что мы начали писать Стратегию развития ислама и мусульманских организаций до 2030 года. Мы считаем, что это очень основательный и нужный документ. Скептики, наверное, могут возразить, как это уже было не раз и по другим документам. «Нам ничего не надо, ни социализация ислама, в Коране все написано, в хадисах все написано». Но дело в том, что священный Коран и сунны пророка, каждый человек, который говорит об этом, он по-своему понимает. А наша задача — чтобы все граждане, и мусульмане и немусульмане, правильно понимали, воспринимали ислам и его миссию, цели, задачи и приоритетные направления развития ислама и религиозных исламских организаций на длительную перспективу, механизмы их реализации. Потребность в таком документе большая, об этом говорили мне верующие, ученые и эксперты. Без Стратегии трудно консолидировать мусульманскую умму, координировать деятельность религиозных организаций, укреплять основы веры, нашу солидарность и взаимопонимание. Пока много говорить не буду, делаются первые шаги.

— Как проходит эта работа?

— Решением президиума Духовного собрания мусульман России мы утвердили рабочую группу, составили график работы, подготовлен макет документа, работа идет в плановом режиме.

— Насколько я знаю, в резиденции ДСМР единственная мечеть в Москве, где проповеди ведутся на татарском языке. Вы продолжаете эту работу? Поддерживаете ли вы Камиля хазрата в его позиции о проповедях в Татарстане на татарском языке, о поддержке татарского языка?

— Да, эту работу продолжаем, но это не умаляет роль арабского языка. Я считаю, что решение Камиля хазрата правильное, надо знать татарский язык, надо знать русский язык. Похвальна его инициатива по открытию курсов татарского языка при мечетях. Хочу подчеркнуть и роль семьи, где дети приобщаются к языку и культуре. Сам я вырос в татарском селе, нам преподавали два часа татарского языка и нам этого хватало.

— Но там была среда в селе.

— А в городах сегодня, мы будем обращать на это внимание в Стратегии, нужно думать о системе «махалля» — приходах в городах.

— А в Москве идея «махалля» сможет работать?

— Я думаю, что возможно, в немного видоизмененной современной форме, но возможно. Тут можно поучиться и у наших братьев — мусульман, у тех же турок, которые живут в Европе, в других странах, они сохраняют и язык, и культуру, и образование. Они же не растворяются и не теряют идентичности.

— Финские татары то же самое...

— Финляндия, финских татар всегда приводят в пример, интересный феномен. Потому что да — они татары— братья, они стараются разговаривать на татарском языке, но на их суждения, речь влияет окружение, их язык стал больше финским, чем татарским и нижегородским, чем был 100 лет назад. В любом случае среда влияет на поведение.

— Вы считаете, что нет общепризнанного определения традиционного ислама. А по вашему мнению, что такое «традиционный ислам»? Вы как его видите?

— Я лично подписывал фетву в Грозном, в которой дается развернутое определение традиционного ислама. Я согласен с теми суждениями, что там были приняты, надо читать текст фетвы. К сожалению, после того, как мы приняли этот документ для мусульман России, он получил неоднозначную оценку в арабских странах. Все это показывает, что нам надо развивать исламский диалог.

Источник: «БИЗНЕС Online»